

Научная статья

УДК 811.512.1'366

DOI 10.17223/18137083/88/1

**Грамматический статус
синтетического показателя сравнения *-Дай*
в казахском языке**

**Сауле Жаксылыкбаевна Тажибаева¹
Ирина Анатольевна Невская²
Анна Владимировна Дыбо³**

¹ Евразийский национальный университет имени Л. Н. Гумилева
Астана, Казахстан

² Институт филологии
Сибирского отделения Российской академии наук Новосибирск, Россия

³ Институт языкознания Российской академии наук
Москва, Россия

¹ tazhibaeva_szh@enu.kz, <https://orcid.org/0000-0002-5655-8391>

² nevskeyairina60@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-0980-0090>

³ adybo@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6077-7183>

Аннотация

Рассматривается грамматический статус казахского показателя сравнения *-Дай*. Это общетюркская форма, синтезировавшаяся относительно недавно из сравнительного послелого и не имеющая однозначного статуса в конкретных тюркских языках: в одном и том же языке она может рассматриваться как «послелог-аффикс», падежная форма или словообразовательный формант. Мы исследуем ее фонетические и морфосинтаксические свойства в казахском языке, применяя различные критерии для определения статуса данной формы. Наш анализ показал, что данный формант можно рассматривать как эквативно-симилятивный падежный показатель недавней формации.

Ключевые слова

сравнительные конструкции, сравнение, показатель сравнения, симилятивный падеж, казахский язык

Благодарности

С. Ж. Тажибаева работала над статьей в рамках проекта, финансируемого Комитетом науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан на 2023–2025 гг. (ИРН AP19676809)

Для цитирования

Тажибаева С. Ж., Невская И. А., Дыбо А. В. Грамматический статус синтетического показателя сравнения *-Дай* в казахском языке // Сибирский филологический журнал. 2024. № 3. С. 12–28. DOI 10.17223/18137083/88/1

© Тажибаева С. Ж., Невская И. А., Дыбо А. В., 2024

ISSN 1813-7083

Сибирский филологический журнал. 2024. № 3. С. 12–28

Siberian Journal of Philology, 2024, no. 3, pp. 12–28

The grammatical status of the synthetic marker of comparison *-DAy* in the Kazakh language

Saule Zh. Tazhibayeva¹, Irina A. Nevskaya², Anna V. Dybo³

¹ L. N. Gumilyov Eurasian National University
Astana, Kazakhstan

² Institute of Philology
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation

³ Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russian Federation

¹ tazhibayeva_szh@enu.kz, <https://orcid.org/0000-0002-5655-8391>

² nevskayairina60@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-0980-0090>

³ adybo@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6077-7183>

Abstract

The paper defines the grammatical status of the Kazakh affix *-DAy*. It is an all-Turkic form grammaticalized relatively recently from a comparative postposition. In Turkic languages, postpositions have been identified as a recognized mechanism for the grammaticalization of novel case forms. Sometimes, the process of grammaticalization remains incomplete, with forms being produced that are often defined as case suffixes, derivational morphemes, or postposition affixes. The status of the affix *-DAy/-DIy* varies across Turkic languages and should be defined for each Turkic language individually. The turcological literature often debates its status, even within the same Turkic language. Our research focuses on analyzing the morphonological, morphosyntactic, and accentual characteristics of the *-DAy* form in the Kazakh language. The analysis based on different criteria has defined *-DAy* as a young equative-simulative case morpheme. However, our experimental study has revealed variations in the accentual patterns of word forms with the affix *-DAy* in different Kazakh varieties, including the Standard Kazakh (the literary variant used in Kazakhstan) and those spoken in Mongolia and China. The variety spoken in Mongolia and China demonstrates a more pronounced grammaticalization of the affix *-DAy* as a case marker, compared to Standard Kazakh. Nonetheless, the distinctions are subtle and demand further exploration. Thus, the pace of grammaticalization processes differs even among local varieties of the same language. The use of experimental methods can provide clarity on the status of these entities.

Keywords

comparative constructions, marker of comparison, simulative case, Kazakh language

For citation

Tazhibayeva S. Zh., Nevskaya I. A., Dybo A. V. The grammatical status of the synthetic marker of comparison *-DAy* in the Kazakh language. *Sibirskii Filologicheskii Zhurnal [Siberian Journal of Philology]*, 2024, no. 3, pp. 12–28. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/88/1

Введение

Сравнительные конструкции и особенно их грамматические показатели в разных языках привлекали и привлекают внимание лингвистов и типологов мира¹.

¹ Традиционные исследования сравнительных конструкций в типологическом плане кратко освещаются в работе И. А. Невской [2022].

В российском языкознании наиболее значимый вклад в исследование сравнительных конструкций в русском и тюркских языках сделан М. И. Черемисиной и ее учениками, например: [Черемисина, 1976; Васильев, 1986; Тыбыкова, 1989]. Среди недавних работ по категории сравнения, выполненных в традиционном плане, можно выделить описание средств выражения сравнения в хакасском языке [Султрекова, 2017]. В последние годы идет активное изучение сравнительных конструкций в языках Сибири представителями новосибирской синтаксической школы, продолжающими традицию, заложенную М. И. Черемисиной, в рамках новаторского типологического подхода [Озонова, 2023; Федина и др., 2023], теоретические и терминологические основы которого представлены в [Кошкарёва, Плотников, 2023].

Категория сравнения в казахском языкознании является предметом пристального внимания². Сравнение исследовалось с формально-грамматической [Коньров, 1985] и функционально-семантической [Ахметжанова, 1989] точек зрения. Типы сравнительных конструкций казахского языка как синтаксических единиц в сопоставлении со сравнительными конструкциями сибирских тюркских языков исследовались в работе Б. Е. Ескельдиевой [2016].

Несмотря на многочисленные исследования, грамматический статус синтетического показателя сравнения *-Дай* в казахском языкознании остается проблематичным.

1. Маркеры сравнения казахского языка: общий обзор

В казахском языке, как и во всех тюркских языках, грамматическими средствами в сравнительных конструкциях маркируется стандарт сравнения [Ultan, 1972; Stassen, 1984; Haspelmath, Buchholz, 1998], т. е. языковое выражение того предмета или ситуации, с которыми сравнивается предмет сравнения на основании некоего общего признака. Этим признаком они могут владеть в равной (в конструкциях равенства) или разной (в конструкциях неравенства) степени [Ultan, 1972; Andersen, 1983; Haspelmath, Buchholz, 1998; Dixon, 2008; SEC, 2017]. Сравнительные конструкции, в которых присутствует грамматический маркер сравнения, мы называем *каноническими* для тюркских языков по аналогии с канонически маркированными пространственными конструкциями [Невская, 2005, с. 18–19]. Такой маркер специализирован на выражении сравнительных отношений, а сравнительное прочтение у него в наибольшей степени свободно от контекста. Неслучайно именно такие грамматикализованные языковые единицы – как синтетические, так и аналитические, стояли в центре всех предыдущих исследований.

Показателями сравнения в казахском языке являются разнообразные синтетические и аналитические маркеры: суффикс с неопределенным грамматическим статусом *-Дай*, древний падежный показатель экватива *-ША*, показатель исходного падежа *-Дан*, являющийся каноническим показателем стандарта сравнения в конструкциях равенства, а также целый ряд специализированных сравнительных служебных слов: *сияқты, секілді, тәрізді, болып, ұқсас, артық, түгіл, гүрлым*. Все они маркируют стандарт сравнения.

² Обзор исследования категории сравнения в казахском языкознании сделан в работе [Невская, Тажибаева, 2019].

2. История изучения формы на *-Дай* в тюркологии

В тюркологии нет однозначного мнения относительно статуса общетюркского маркера *-Дай* / *-ДЫй* / *-дег* и т. п.

Н. К. Дмитриев относит происхождение древнетюркского послелога *täg* (и данного аффикса) к глагольной основе со значением 'трогать, касаться' и определяет функцию аффикса как «наречие-образующую». Первоначальным его значением, по мнению Н. К. Дмитриева, было сравнение по количеству, а позднее общее значение сравнения [Дмитриев, 1962].

В. И. Рассадин также связывает маркер *дэг* с древним послелогом *täg*, активно употреблявшимся в древнетюркском языке и проявлявшим уже в нем тенденцию к синтетизации. В тофаларском языке очень продуктивны сложные прилагательные уподобления, образованные присоединением к существительному послелога *дэг* 'как, словно, будто, подобный'. Например: *ай дэг* 'луноподобный', *кижи дэг* 'человекоподобный' [Рассадин, 1980].

Исследователи едины во мнении, что во многих тюркских языках послелог *дег* перешел в разряд аффиксов, в частности падежных.

Исследования, проведенные на материале ряда тюркских языков Сибири, показывают, что в индивидуальных тюркских языках необходимо верифицировать грамматический статус этого аффикса и, возможно, рассматривать его как маркер *эквативно-симильятивного* падежа (или, упрощенно, *симильятивного*). И. А. Невская приводит ряд оснований, которые позволяют считать аффикс *-ДЫй* падежным в алтайском языке. Основными аргументами в пользу его падежного статуса являются морфофонологические и морфолого-синтаксические особенности: подчинение палатальной гармонии гласных и ассимиляции согласных по признаку звонкости / глухости, встраивание в именную словоформу в позиции, отведенной для падежных аффиксов, употребление перед ним так называемого местоименного *-н-* после посессивного аффикса 3-го лица, несовместимость с показателями других падежей, оформление именных групп разного состава и структурной сложности [Невская, 2016].

Формирование данного падежного аффикса в алтайском языке нужно рассматривать в контексте того, что в современных тюркских языках древние падежные формы могут постепенно выходить из употребления как падежные, сохраняясь как словообразовательные, и заменяться новыми падежными формами, развивающимися из послелогов. Есть все основания предполагать, что эквативный падеж существовал уже в прототюркском периоде. В древнетюркском его показателем был аффикс *-сА*. В алтайском языке имеются застывшие образования с данным аффиксом, сохранившиеся только от небольшого количества основ [Nevskaya, 2014]. Путем циклического возобновления основных системообразующих падежных форм поддерживается достаточно большая стабильность падежных систем тюркских языков [Ibid.].

3. Статус формы на *-Дай* в казахском языке

В казахском языкознании статус аффикса *-Дай* определяется по-разному. Одно из первых описаний данной формы было представлено в «Краткой грамматике казак-киргизского языка», где маркер *-Дай* относится к падежным как показатель сравнительного падежа [Мелиоранский, 1894]. В работах современных казахских исследователей выражается достаточно единодушное мнение, что показатель

-*Дай* является словообразовательным аффиксом прилагательных, основная семантика которых – сравнение, уподобление [Мұсабаев, 1950; СКЯ, 1962; Исаев, 1970]. Такие прилагательные имеют значение уподобления по определенному признаку – внешняя форма, величина, сила, вкус, свойство, характер: *көбелектей* ‘как бабочка’ (букв.: бабочке подобная (о женщинах), т. е. легкая в движениях, порхающая, как бабочка), *таудай* ‘как гора’ (букв.: горе подобный (о мужчине), т. е. огромный человек, похожий на гору), *жұлдыздай* ‘как звезда’ (букв.: звезде подобная (о женщине), т. е. яркая (о внешности, таланте), похожая на звезду).

Л. Йохансон, исследуя приименные реляторы разного типа, которые присоединяются к именам существительным и выражают их отношения с другими членами предложения, отнес аффикс *-Дай* в казахском языке к группе грамматикализированных аналитических реляторов, которые имеют тенденцию к синтезации, но еще не могут быть отнесены к падежным [Johanson, 2015]. Хотя казахский *-Дай* уже полностью синтезировался, он может присоединять показатель родительного падежа *-Дің*, ср.: *түн-дай* ‘как этот’ и *түн-дай-дің* ‘такого, как этот’; *Канат-тай* ‘такой, как Канат’ и *Канат-тай-дың* ‘такого, как Канат’.

Слово *munday* ‘такой’ лексикализовалось очень давно; оно имеет параллели уже в древнетюркском языке, поэтому мы считаем, что данный пример не может быть решающим для определения статуса казахской формы на *-Дай*. Форма *мундай* и в казахском языке лексикализовалась как отдельное указательное местоимение, в котором значение уподобления уже выветрилось.

Однако другие случаи сочетания образований с *-Дай* с аффиксами множественности и падежа требуют объяснения. По мнению С. Ж. Тажибаевой, образования типа *Канат-тай-дың* ‘такого, как Канат’ в современном казахском языке не употребляются. Однако, если к форме *Канат-тай* присоединяется аффикс множественности, тогда возможен и аффикс родительного падежа, см. пример (1):

(1) *Канаттайлардың заманы бол-ды.*

Канат-тай-лар-дың	заман-ы	бол-ды
NP-SIM-PL-GEN	время-POSS.3	быть-PAST

‘Наступило время (эпоха) таких, как Канат (пренебрежительно).’

Мы можем предположить, что в данном случае произошла компрессия определительной конструкции, в которой *Канат-тай* было определением к слову широкой семантики типа *человек, некто, люди*. Определяемое имя было опущено, и определение со сравнительным аффиксом стало реферировать на сам объект сравнения, подобно тому как это происходит с относительными придаточными, если определяемое имя опускается: *раненые люди – раненые*. Возможна и лексикализация таких изначально определительных придаточных, приводящая к появлению новых лексем типа *мороженое, больной*. На определенном этапе языкового развития возможно существование форм, которые сложно однозначно отнести к словообразованию или словоизменению [Невская, 2016]. При этом необходимо учитывать, что между грамматическими формами одной лексики и словообразованием существует тесная взаимосвязь. Словоформы, которые когда-то принадлежали парадигме склонения имен, могут выпадать из системы этой категории и застывать в виде ограниченного числа форм отдельных имен, претерпевая при этом определенные семантические сдвиги, лексикализовываться и функционировать как местоимения, наречия, послелогии и т. п. Прежний падежный формант в их составе уже должен рассматриваться как словообразовательный.

Похожие процессы мы наблюдаем и при лексикализации отдельных форм на *-Дай* как прилагательных. В часто употребляемых сравнениях нередко опускается основание сравнения – тот признак, по которому сравниваются две единицы; со временем сама семантика сравнения может «выветриваться», и на первое место выходит качественная характеристика, передаваемая словом, содержащим *-Дай*: *ақ қардай жүзі* ‘очень белая кожа лица / белокожий (человек)’ (букв.: белому снегу подобное лицо) > ‘лицо (белое), как снег’ > ‘снегоподобная кожа лица’ > ‘очень белая кожа лица’; *қардай аппақ көнілі* ‘очень чистый, искренний человек’ (букв.: с душой белой, как снег) > со снегоподобной душой.

Такие лексикализовавшиеся формы попадают в словари, и возникает впечатление, что аффикс *-Дай* является именно словообразовательным.

4. Морфофонологические и морфосинтаксические особенности формы на *-Дай*

Аффикс *-Дай* подчиняется палатальной гармонии гласных: после переднеязычных гласных основы употребляется гласный *-e-*, а после заднеязычных – *-a-*. Его начальный согласный гармонирует по признаку звонкости / глухости: после предшествующего глухого согласного – *-m-*, а в остальных случаях *-d-*.

Аффикс *-Дай* встраивается в именную словоформу с притяжательными аффиксами единственного и множественного числа и с аффиксами множественности на месте, предназначенном для падежных аффиксов (см. табл. 1, в которой помимо форм на *-Дай* представлены также именные словоформы с показателями местного и исходного падежей).

Таблица 1

Место показателя *-Дай* в именной словоформе

Table 1

The position of *-DAy* in a nominal word form

Форма существительного во множественном числе		
с аффиксом <i>-Дай</i>	с аффиксом местного падежа <i>-ДА</i>	с аффиксом исходного падежа <i>-Дан</i>
<i>бала-лар-дай</i> ребенок-PL-SIM ‘как дети’	<i>бала-лар-да</i> ребенок-PL-LOC ‘у детей’	<i>бала-лар-дан</i> ребенок-PL-ABL ‘от детей’
<i>терек-тер-дей</i> тополь-PL-SIM ‘как тополя’	<i>терек-тер-де</i> тополь-PL-LOC ‘у тополей’	<i>терек-тер-ден</i> тополь PL-ABL ‘от тополей’
<i>ата-м-дай</i> дедушка-POSS.1SG-SIM ‘как мой дедушка’	<i>ата-м-да</i> дедушка-POSS.1SG-LOC ‘у моего дедушки’	<i>ата-м-нан</i> дедушка-POSS.1SG-ABL ‘от моего дедушки’
<i>ата-ң-дай</i> дедушка-POSS.2SG-SIM ‘как твой дедушка’	<i>ата-ң-да</i> дедушка-POSS.2SG-LOC ‘у твоего дедушки’	<i>ата-ң-нан</i> дедушка-POSS.2SG-ABL ‘от твоего дедушки’

Аффикс *-Дай* неизбирателен и присоединяется к любым основам существительных, как к одушевленным, обозначающим людей и иных живых существ, так и к неодушевленным, выполняя атрибутивную (примеры (2) и (3)) и актантную (пример (4)) функции.

(2) *Біздің әкелеріміздей әке еш жерде жоқ.*

біз-дің	әке-лер-іміз-дей	әке	еш
мы-GEN	отец-PL-POSS.1PL-SIM	отец	PRTCL
жер-де	жоқ		
земля-LOC	отсутствующий		

‘Абсолютно нигде нет таких отцов, как наши отцы.’

(3) *Ақ бөкендей аңдар азайып барады ғой –*

ақ	бөкен-дей	аң-дар	азай-ып
белый	антилопа-SIM	животное-PL	уменьшаться-CV
бар-ады	ғой		
AUX:идти-PRS	PRTCL		

‘Таких животных, как белая антилопа, становится ведь все меньше.’

(4) *ағын судай мөлдір*

ағын	су-дай	мөлдір
проточный	вода-SIM	чистый

‘чистая, как проточная вода’

Аффиксу *-Дай* после основ, оформленных посессивным показателем 3-го лица, предшествует так называемое местоименное *-н-*, что типично для падежных аффиксов (см. пример (5)), где словоформа с *-Дай* является сирконстантом³.

(5) *Жарықтар жерошақта қалған оттың қозындай жылтырайды.* (Жұмабай Шашатайұлы “Қызыл қар”)

жарық-тар	жер	ошақ-та	қал-ған	от-тың
огонь-PL	место	очаг-LOC	остаться-PP	пламя-GEN
қоз-ы-н-дай		жылтыра-йды		
искра-POSS.3-INFIX-SIM		сверкать-PRS		

‘Огни сверкают, как искры пламени, оставленного в очаге.’

Аффикс *-Дай* оформляет именные группы, которые имеют при себе определения любой степени сложности и состава, в том числе и определительные предикативные единицы (см. пример (6) с определением, выраженным прилагательным, и пример (7) с относительным определительным придаточным при имени, оформленном аффиксом *-Дай*).

(6) *Жас киіктей тастан тауға секіріп жүреді.*

жас	киік-тей	тас-тан	тау-ға
молодой	сайгак-SIM	камень, скала-ABL	гора-DAT
секіріп	жүр-еді		
прыгать-CV	AUX:ходить-PRS		

‘Как молодой сайгак, [он] легко прыгает со скалы на гору.’

³ На этих же основаниях включен в число падежных аффиксов *-ТАГ* – компаратив (сравнительный падеж) в компьютерно-ориентированной грамматике хакасского языка, см. [Дыбо и др., 2023, с. 51].

(7) *Ол үріккен еліктей барлық нәрседен шошып тұрады.*

ол үрік-кен елік-тей барлық нәрсе-ден
она пугаться-PP косуля-SIM все что-то-ABL
шош-ып тұр-ады
бояться-CV AUX:стоять-PRS

‘Она боится всего (букв.: всего, что есть), как испуганная косуля.’

Аффикс *-Дай* может добавляться к причастной форме глагола на *-Ган*, подобно остальным падежным аффиксам, образуя форму на *-Гандай*, которая выступает как в финитной (пример (8)), так и в инфинитной позиции – в функции предиката зависимой предикативной единицы, имеющей общий субъект с главной (пример (9)) или субъект, отличный от субъекта главной предикативной единицы (пример (10)).

(8) *Кемпір әлдебір ойға берілгендей.* (О. Бокей, Атау-Кере, с. 41).

кемпір әлдебір ой-ға бер-іл-ген-дей
старуха какой-то мысль-DAT дать-PASS-PP-SIM
‘Старуха как будто предалась какой-то мысли.’

(9) *Ол қатты айқайдан шошып оянғандай, есін жиялмай отырды.* (О. Бокей, с. 56)

ол қатты айқай-дан шош-ып оян-ған-дай
он сильный крик-ABL пугаться-CV проснуться-PP-SIM
ес-ін жиял-май отыр-ды
мысль-POSS.3.ACC собрать-CV.NEG сидеть-PAST

‘Он сидел, не мог прийти в себя (букв.: не мог собрать свои мысли), как будто бы [он] проснулся, испугавшись сильного крика.’

(10) *Таған аю талағандай қорқынышты үнмен айғайды салды.* (О. Бокей, Атау-Кере, с. 95)

Таған аю тала-ған-дай қорқынышты үн-мен
NP медведь терзать-PP-SIM ужасный голос-INS
айғай-ды сал-ды
крик-ACC положить-PAST

‘Таған закричал так, как будто бы его терзал медведь.’

Форму на *-Гандай* следует рассматривать как отдельную. Ее семантика не сводится к сумме значений составных частей: в финитной функции она передает не сравнительную, а эпистемическую модальную семантику предположения или кажимости действия, хотя и основанную на компрессии сравнительной конструкции: *она ведет себя так, как обычно ведут себя задумавшиеся люди* (см. пример (8)). В инфинитных позициях она передает значение ирреального действия, служащего стандартом сравнения для другой, реальной, ситуации (см. примеры (9) и (10)). Переход в другую категорию характерен и для тюркских причастий, оформленных показателями местного, дательного, исходного и иных обстоятельственных падежей: они становятся формами деепричастного типа и функционируют как единое целое, ср. шор. *парғанда* ‘когда ушел, уйдя’ (букв.: *пар-ған-да* ‘идти-PP-LOC’).

Исходя из описанных морфосинтаксических свойств аффикса *-Дай*, можно сделать предварительный вывод о том, что в казахском языке он ведет себя как падежный:

- выражает грамматикализованные эквативно-симилятивные отношения между двумя ситуациями (или, в упрощенном описательном варианте, предметами);
- является универсальным, т. е. неизбирательным с точки зрения типа семантики основы имени, с которой он может сочетаться;
- присоединяется к именной группе, в которой присутствуют определения различной степени сложности, вплоть до придаточных; считать такие конструкции прилагательными не имеет смысла;
- в именной словоформе он занимает позицию после аффиксов множественности и посессивности, типичную для всех падежных показателей;
- принимает так называемое местоименное *-н-* после основ, оформленных посессивным аффиксом 3-го лица;
- присоединяется к «причастиям», образуя новые формы, выступающие как в финитных, так и в нефинитных позициях; в последнем случае они являются предикатами обстоятельственных зависимых предикативных единиц, по сути, деепричастиями.

5. Особенности ударения форм на *-Дай*

Для тюркских падежных форм одной из очень характерных особенностей является то, что они «перетягивают» на себя ударение, что, конечно же, обусловлено ударностью конечных слогов словоформ, а падежные формы их замыкают. Этим они отличаются от служебных элементов, которые такой особенностью не обладают, хотя и используются часто в позиции конечной клитики: не имея собственного ударения, они «приклеиваются» к знаменательному слову, которое им предшествует. Это могут быть различные частицы, послелого, личные показатели, стянувшиеся вспомогательные глаголы, несущие на себе временные и личные показатели, и т. п. Они могут употребляться в значительно редуцированной фонетической форме и подвергаться гармонии гласных. Их иногда называют послелогоми-аффиксами, указывая, что процесс грамматикализации еще не завершился и что они имеют свойства и отдельного слова, и аффикса. Через стадию клитик, видимо, проходят аффиксы, произошедшие от самостоятельных слов.

Ударности «истинного» падежного показателя придается большое значение в частных тюркологических традициях. Например, на основании того, что стянувшаяся из послелога *ile* форма инструменталиса *-(y)la* в турецком языке безударна, ее не признают падежной. Однако в алтайском языке даже аффикс исходного падежа, который во всех тюркских языках сформировался позднее остальных форм классической шестерки падежей, также безударен. Возможно, для падежных форм более поздней формации действуют несколько иные законы, и признак ударности / безударности уже не играет решающей роли. Соответственно, для алтайского языка этот признак не должен быть решающим и при определении грамматического статуса показателя *-ДЫй* – аналога рассматриваемой нами казахской формы на *-Дай*. Вопрос о признании алтайской формы на *-ДЫй* падежной анализируется в [Невская, 2016; ГАЯ, 2017].

Для того чтобы определить ударность или безударность казахской формы на *-Дай*, мы провели эксперимент, в котором приняли участие информанты различного возраста – казахи, проживающие в Республике Казахстан, а также в Китае и Монголии, некоторые из них переселились в Республику Казахстан в последние 30 лет. Участникам эксперимента было предложено произнести несколько фраз с формами на *-Дай*, а также перечислить ряд изолированных словоформ с *-Дай*:

көбелектей ‘как бабочка’, жұлдыздай ‘как звезда’, анамдай ‘как моя мать’, әкем-дей ‘как мой отец’, баламдай ‘как мой ребенок’, таудай ‘как гора’ (табл. 2).

Таблица 2

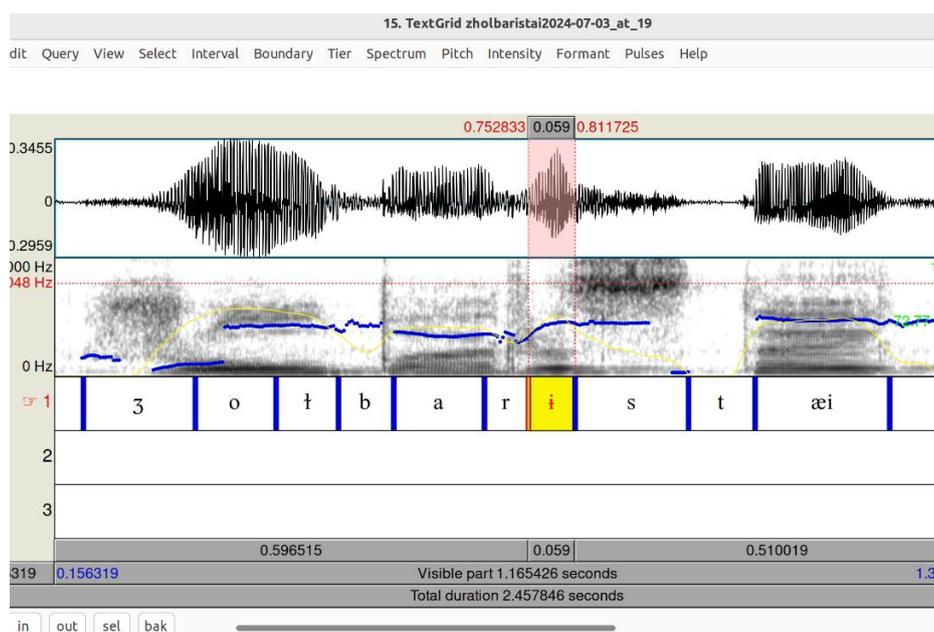
Сравнение интенсивности и высоты предпоследнего и последнего слогов словоформ с аффиксом -Дай (транскрипция казахских форм в МФА). Произнесения в связном тексте

Table 2

The intensity and pitch accent of the prefinal and final syllables in word forms with the affix -DAy pronounced in a coherent text (IPA transcription of Kazakh word forms)

Word	Intmax, dB		Pitchmax, Hz	
	1	2	1	2
Inf 1 (Казахстан)				
zuldizdæ'i	70.055	77.038	301.536	279.269
k ^h yβel'e'xteei	73.332	70.739	242.934	304.189
anāmda'i	69.411	71.576	235.763	337.568
æk ^h i'md'ii	71.366	70.003	310.368	256.489
bałamda'i	71.459	74.620	230.592	295.999
taɣda'i	68.196	70.297	279.618	240.542
Inf 2 (Казахстан)				
zuldizdæ'i	77.388	73.162	322.580	318.316
kyβel'ekt'e'i	76.849	80.618	291.23905	324.042
ʔana'mdai	73.863	68.991	254.301	236.170
ʔæk ^h i'md'e'i	75.377	70.433	255.887	250.959
bala'mdæi	71.542	68.370	200.544	169.269
Inf 3 (Китай)				
ɖulduzda'i	78.896	84.857	119.521	287.575
kyβel'ext ^h e'i	82.602	84.629	250.114	294.705
anāmda'i	81.403	83.398	246.726	260.936
æk ^h xi'md'e'i	81.416	79.375	275.906	241.218
bałamda'i	84.550	85.500	244.626	224.500
Inf 4 (Китай)				
ɖuɣduzda'i	77.300	82.577	233.893	255.853
k ^h øβel'ə'ktei	79.940	79.305	176.164	182.190
anāmdæ'i	78.823	79.316	182.882	205.996
æk ^h i'mde'i	76.925	79.361	198.389	205.998
bałamda'i	76.677	77.241	169.789	170.299
Inf 5 (Монголия)				
kyβel'ekt ^h e'i	72.389	73.321	288.820	311.028
ʔanām ⁿ da'i	71.667	72.752	233.998	292.687
æk ^h i'md'e'i	74.342	72.667	247.670	240.092
bałam ⁿ daj	72.615	67.038	213.833	242.894
Inf 6 (Монголия)				
ɖuldəzda'i	63.620	78.581	123.334	137.221
k ^h øβel'e'ht ^h e'i	74.908	74.355	114.873	126.209
anā ⁿ m ⁿ dai	70.815	70.740	110.376	103.508
æk ^h i'md'ii	76.625	71.431	120.899	101.799
bałamda'i	69.050	70.448	110.565	170.207

Обработка полученных записей в программе «Praat» показала, что в контекстах ударение в данных словоформах имеет интенсивностную природу, различие между ударным и безударным слогами достигает в общем случае 1–3 дБ. Различия по высоте связаны с фразовой интонацией, и ударение от них не зависит. При произнесении связного текста практически все информанты колеблются в выборе места ударения, оно падает либо на *-Дай*, либо на слог перед ним (см. рисунок, иллюстрирующий ударение в слове *жолбарыстай* ‘как тигр’ на слоге перед *-Дай*). У казахстанских казахов ударение на слог перед *-Дай* приходится несколько чаще, чем у китайских и монгольских.



Ударение перед слогом с *-Дай*
The stress on the syllable before *-DAy*

При произнесении с перечислительной интонацией нескольких словоформ на *-Дай*, потом на *-ДА* и на *-Дан* большинство информантов во всех этих словоформах ставят ударение на конечный слог, а некоторые – во всех на предконечный (табл. 3). Получается, что все эти формы, и падежные, и недавно послеложные, ведут себя одинаково.

Хотя требуются дополнительные инструментальные исследования того, какое ударение получают формы с *-Дай* в спонтанной речи на большем количестве испытуемых, уже представляется очевидным, что этот аффикс ведет себя в плане ударения как падежный клитического происхождения.

Таблица 3

Максимумы интенсивности в предпоследнем и последнем слогах форм с аффиксами *-Дай* и *-Мен* и форм местного и исходного падежей казахского языка. Произнесения с перечислительной интонацией

Table 3

Maximum of the intensity of the prefinal and final syllables in Kazakh wordforms with the affixes *-Dai* and *-Men*, as well as with the locative and ablative case affixes in the contexts of enumeration

Word	Intmax, dB			
	1		2	
	Inf 7 (ПК, Северо-Казахстанская обл., ♂)		Inf 8 (Монголия – Казахстан, ♀)	
bałarda'ı	77.924	80.627	77.157	77.072
terekte'rdei	84.043	82.130	79.753	76.514
atamda'ı	80.200	82.162	77.130	77.440
atanda'ı	77.382	77.815	76.981	76.365
bałarme'n	80.789	81.990	76.838	72.479
terekterme'n	81.669	81.752	80.640	73.609
atamme'n	79.714	82.294	76.991	74.815
atanme'n	79.056	80.306	76.338	74.717
balalarda'	80.853	82.049	77.451	75.773
terekte'rde	81.418	80.535	78.806	77.384
atamda'	79.261	80.611	77.812	77.670
atanda'	75.891	78.727	78.066	77.301
balala'rdan	81.057	80.805	78.119	77.047
terekterde'n	79.863	81.194	80.157	78.969
ata'mnān	80.437	79.360	78.128	74.956
atannā'n	76.604	77.251	78.900	74.951

Заключение

При определении статуса синтетических показателей послеложного происхождения исследователи сталкиваются с целым рядом трудностей, поскольку процессы грамматикализации проходят в разных языках с разной скоростью даже в отдельных региональных поддиалогах одного языка. Так, судя по данным эксперимента с ударением словоформ с *-Дай*, казахский показатель *-Дай* в несколько большей степени уже грамматикализовался как падежный в речи казахов Монголии и Китая, хотя эти различия и незначительны и требуют более подробного изучения. По всем другим примененным параметрам этот показатель можно охарактеризовать как падежный.

Вопрос о статусе грамматикализованных из послелогов единиц стоит еще более остро по отношению к результату грамматикализации общетюркского послелога со значением 'вместе с; с; и', который рассматривается как падежный в ряде тюркских языков, в то время как в казахском *Мен* считается союзом 'и' и пишется отдельно от предыдущего слова, хотя составляет с ним интонационное единство и не имеет собственного ударения. В алтайском различаются падежный показа-

тель и союз 'и' того же происхождения, что показывает, что один и тот же источник грамматикализации может дать два различных результата даже в одном и том же языке. Применение экспериментальных методик может внести ясность в статус таких образований.

Список условных обозначений

1 – 1-е лицо; **2** – 2-е лицо; **3** – 3-е лицо; **ABL** – исходный падеж; **ACC** – винительный падеж; **AUX** – вспомогательный глагол; **CV** – деепричастие; **DAT** – дательный падеж; **GEN** – родительный падеж; **INFIX** – инфикс (подтип аффиксов); **INS** – инструментальный падеж; **LOC** – местный падеж; **NEG** – отрицание; **NP** – имя собственное; **PAST** – прошедшее время; **PL** – множественное число; **POSS** – possessивный показатель; **PP** – перфектное причастие; **PRS** – настоящее время; **PRTCL** – частица; **SG** – единственное число; **SIM** – симилиативный падеж

Список литературы

Ахметжанова З. К. Функционально-семантические поля русского и казахского языков (опыт сопоставительного исследования). Алма-Ата: Наука, 1989. 108 с.

Васильев Ю. И. Способы выражения сравнения в якутском языке. Новосибирск: Наука, 1986. 111 с.

ГАЯ – Грамматика современного литературного алтайского языка. Морфология / Отв. ред. И. А. Невская. Горно-Алтайск: Ин-т алтаистики, 2017. 576 с.

Дмитриев Н. К. Строй тюркских языков. М.: Изд-во вост. лит., 1962. 608 с.

Дыбо А. В., Мальцева В. С., Султрекова Э. В., Шеймович А. В., Крылов Ф. С. Структура хакасской словоформы и ограничения на сочетаемость аффиксов в автоматическом парсере хакасского языка // Урало-алтайские исследования. 2023. Т. 49, № 2. С. 42–75.

Ескельдиева Б. Е. Эквативные и симилиативные типы – отношения равенства в языках разных систем // Вестник ЕНУ им. Л. Н. Гумилева. 2016. № 1 (110). С. 220–225.

Исаев С. Из истории развития послелогов *дейін, шейін* и аффиксов *-ша, -ше, -дай, -дей* в казахском языке // Қазақ тілі және әдебиеті мәселелері. Алматы, 1970. Вып. 7. С. 114–126.

Коньров Т. Структурно-семантическая природа сравнения в казахском языке (компаративные конструкции). Алма-Ата: Мектеп, 1985. 215 с.

Кошкарёва Н. Б., Плотников И. М. Метаязык описания семантики сравнения как языкового знака // Критика и семиотика. 2023. № 2. С. 180–216. DOI 10.25205/2307-1753-2023-2-180-216

Мелиоранский П. М. Краткая грамматика казак-киргизского языка. Ч. I. Фонетика и этимология. СПб., 1894. 179 с.

Невская И. А. Пространственные отношения в тюркских языках Южной Сибири (на материале шорского языка). Новосибирск: Ника, 2005. 305 с.

Невская И. А. Спорные вопросы алтайской грамматики: о статусе формы на *-ДЫй* в алтайском литературном языке // Российская тюркология. 2016. № 1 (14). С. 3–15.

Невская И. А. Типологические особенности шорских эквативных и симилиативных конструкций // Сибирский филологический журнал. 2022. № 4. С. 286–299. DOI 10.17223/18137083/81/22

Невская И. А., Тажигаева С. Ж. Исследование сравнительных конструкций в тюркских языках (сравнительно-сопоставительный аспект) // Предложение как единица языка и речи: Всероссийский научный симпозиум с международным участием. Новосибирск: Академиздат, 2019. С. 183–187.

Озонова А. А. Сравнительная полипредикативная конструкция с послелогом *чылап / чилеп* ‘как, как будто’ в алтайском языке // Сибирский филологический журнал. 2023. № 4. С. 260–271. DOI 10.17223/18137083/85/19

Рассадин В. И. Морфология тофаларского языка в сравнительном освещении. М.: Наука, 1980. 288 с.

СКЯ – Современный казахский язык. Алма-Ата: Изд-во АН Каз. ССР, 1962. 392 с.

Султрекова (Кыржинакова) Э. В. Сравнительные конструкции хакасского языка. Абакан: Хакас. кн. изд-во, 2017. 326 с.

Тыбыкова Л. Н. Сравнительные конструкции алтайского языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Алма-Ата, 1989. 17 с.

Федина Н. Н., Кошкарева Н. Б., Плотников И. М. Сравнительные конструкции с полифункциональной лексемой *уш* ‘как; такой же’ как средство формирования образности в чалканском фольклоре // Эпосоведение. 2023. № 4. С. 62–75. DOI 10.25587/2782-4861-2023-4-62-75

Черемисина М. И. Сравнительные конструкции русского языка. Новосибирск: Наука, 1976. 251 с.

Andersen P. K. Word order typology and comparative constructions. Amsterdam [etc.]: Benjamin's, 1983. 245 p.

Dixon R. M. W. Comparative constructions // *Studies in Language*. 2008. P. 787–817.

Haspelmath M., Buchholz O. Equative and similative constructions in the languages of Europe // *Adverbial constructions in the languages of Europe* / Ed. by J. van der Auwera. Berlin: Mouton de Gruyter, 1998. P. 277–334.

Johanson L. Degrees of grammaticalisation of Kazakh nominal relators // *Turkic Languages*. 2015. Vol. 19, no. 2. P. 156–163.

Nevskaya I. Innovations and archaisms in Siberian Turkic spatial case paradigms // *A Transeurasian historical and areal perspective Paradigm Change in the Transeurasian languages and beyond* / Ed. by M. Robbeets and W. Bisang. John Benjamins, 2014. P. 257–286.

SEC – Similative and Equative Constructions: A cross-linguistic perspective // *Typological Studies in Language* 117 / Ed. by Y. Treis and M. Vanhove. John Benjamins, 2017. 437 p.

Stassen L. The Comparative Compared // *Journal of Semantics*. 1984. Vol. 3. P. 143–182.

Ulan R. Some Features of Basic Comparative Constructions // *Working Papers on Language Universals* (Stanford). 1972. Vol. 9. P. 117–162.

Мұсабаев F. F. Қазақ тіліндегі сын есімнің шырайлары. Алматы: Қазақ ССР-ның Ғылым баспасы, 1951. 134 с.

References

Akhmetzhanova Z. K. *Funktsional'no-semanticheskie polya russkogo i kazakhskogo yazykov (opyt sopostavitel'nogo issledovaniya)* [Functional-semantic fields of the

Russian and Kazakh languages (a comparative research)]. Alma-Ata, Nauka, 1989, 108 p.

Andersen P. K. *Word order typology and comparative constructions*. Amsterdam [etc.], Benjamin's, 1983, 245 p.

Cheremisina M. I. *Sravnitel'nye konstruksii russkogo yazyka* [Comparative constructions in the Russian languages]. Novosibirsk, Nauka, 1976, 251 p.

Dixon R. M. W. Comparative constructions. *Studies in Language*. 2008, pp. 787–817.

Dmitriev N. K. *Stroy tyurkskikh yazykov* [Structure of Turkic languages]. Moscow, Vost. lit., 1962, 608 p.

Dybo A. V., Mal'tseva V. S., Sultrekova E. V., Sheymovich A. V., Krylov F. S. Struktura khakasskoy slovoformy i ogranicheniya na sochetaemost' affiksov v avtomaticheskoy parsere khakasskogo yazyka [The structure of Khakas wordforms and limitations on the combinability of affixes in the automatic parser of the Khakas language]. *Ural-Altai Studies*. 2023, vol. 49, no. 2, pp. 42–75.

Eskel'dieva B. E. Ekvativnye i similyativnye tipy – otnosheniya ravenstva v yazykakh raznykh sistem [Equative and similitive types – relations of equality in languages of different systems]. *Bulletin of the L.N. Gumilyov Eurasian National University*. 2016, no. 1 (110), pp. 220–225.

Fedina N. N., Koshkareva N. B., Plotnikov I. M. Sravnitel'nye konstruksii s polifunktional'noy leksemoy ush 'kak; takoy zhe' kak sredstvo formirovaniya obraznosti v chalkanskom fol'klоре [Comparative constructions with the multifunctional lexeme *ush* 'as; the same as' as a means of forming figurativeness in Chalkan folklore]. *Epic studies*. 2023, no. 4, pp. 62–75. DOI 10.25587/2782-4861-2023-4-62-75

Grammatika sovremennogo literaturnogo altayskogo yazyka. Morfologiya [A Grammar of the contemporary literary Altay language. Morphology]. Nevskaya I. A. (Ed.). Gorno-Altaysk, Institute of Altaic Studies, 2017, 576 p.

Haspelmath M., Buchholz O. Equative and similitive constructions in the languages of Europe. In: *Adverbial constructions in the languages of Europe*. J. van der Auwera (Ed.). Berlin, Mouton de Gruyter, 1998, pp. 277–334.

Isaev S. Iz istorii razvitiya poslelogov deyin, sheyin i affiksov -sha, -she, -day, -dey v kazakhskom yazyke [On the history of the formation of the postpositions deyin, sheyin and the affixes -sha, -she, -day, -dey in Kazakh]. In: *Qazaq tili zhene edibietii meseleleri* [Research on the Kazakh language and literature]. Alma-Ata, 1970, iss. 7, pp. 114–126.

Johanson L. Degrees of grammaticalisation of Kazakh nominal relators. *Turkic Languages*. 2015, vol. 19, no. 2, pp. 156–163.

Konyrov T. *Strukturno-semanticheskaya priroda sravneniya v kazakhskom yazyke (komparativnye konstruksii)* [Structural-semantic foundations of comparison in Kazakh (comparative constructions)]. Alma-Ata, Mektep, 1985, 215 p.

Koshkareva N. B., Plotnikov I. M. Metazyk opisaniya semantiki sravneniya kak yazykovogo znaka [Metalinguistic representation of the semantics of comparison as a linguistic sign]. *Kritika i Semiotika (Critique and Semiotics)*. 2023, no. 2, pp. 180–216. DOI 10.25205/2307-1753-2023-2-180-216

Melioranskiy P. M. *Kratkaya grammatika kazak-kirgizskogo yazyka. Ch. I. Fonetika i etimologiya* [Concise grammar of the Kazak-Kirgiz language. Pt. 1. Phonetics and etymology]. St. Petersburg, 1894, 179 p.

Mysabaev F. F. *Qazaq tilindegi syn esimniń shyraylary* [Forms of adjectives in the Kazakh language]. Almaty, Kazak SSR-ның Fylym baspasy, 1951, 134 p.

Nevskaya I. A. *Prostranstvennyye otnosheniya v tyurkskikh yazykakh Yuzhnoy Sibiri (na materiale shorskogo yazyka)* [Spatial relations in the Turkic languages of South Siberia (on the material of the Shor language)]. Novosibirsk, Nika, 2005, 305 p.

Nevskaya I. A. Spornye voprosy altayskoy grammatiki: o statuse formy na -DYy v altayskom literaturnom yazyke [On disputable issues of the Altai grammar: on the status of the form -DIy in the Altai literary language]. *Russian Turkology*. 2016, no. 1 (14), pp. 3–15.

Nevskaya I. A., Tazhibaeva S. Zh. Issledovanie sravnitel'nykh konstruktsiy v tyurkskikh yazykakh (sravnitel'no-sopostavitel'nyy aspekt) [Research on comparative constructions in Turkic languages (a comparative aspect)]. In: *Predlozhenie kak edinita yazyka i rechi: Vseros. nauch. simpozium s mezhdunarodnym uchastiem* [Sentence as a unit of language and speech: All-Russian scientific symposium with participation of foreign scholars]. Novosibirsk, Akademizdat, 2019, pp. 183–187.

Nevskaya I. A. Tipologicheskie osobennosti shorskikh ekvativnykh i similyativnykh konstruktsiy [Typological features of Shor equative and similitive constructions]. *Sibirskii Filologicheskii Zhurnal (Siberian Journal of Philology)*. 2022, no. 4, pp. 286–299. DOI 10.17223/18137083/81/22

Nevskaya I. Innovations and archaisms in Siberian Turkic spatial case paradigms. In: *A Transeurasian historical and areal perspective Paradigm Change in the Trans-eurasian languages and beyond*. M. Robbeets and W. Bisang (Eds.). John Benjamins, 2014, pp. 257–286.

Ozonova A. A. Sravnitel'naya polipredikativnaya konstruktsiya s poslelogom chylap/chilep 'kak, kak budto' v altayskom yazyke [Comparative polypredicative construction with the postposition chylap/chilep 'as if' in the Altai language]. *Sibirskii Filologicheskii Zhurnal (Siberian Journal of Philology)*. 2023, no. 4, pp. 260–271. DOI 10.17223/18137083/85/19

Rassadin V. I. *Morfologiya tofalarskogo yazyka v sravnitel'nom osveshchenii* [Morphology of the Tofan language in a comparative perspective]. Moscow, Nauka, 1980, 288 p.

Similitive and Equative Constructions: A cross-linguistic perspective. In: *Typological Studies in Language 117*. Y. Treis and M. Vanhove (Eds.). John Benjamins, 2017, 437 p.

Sovremennyy kazakhskiy yazyk [Contemporary Kazakh language]. Alma-Ata, AN Kaz. SSR., 1962, 392 p.

Stassen L. The Comparative Compared. *Journal of Semantics*. 1984, vol. 3, pp. 143–182.

Sultrekova (Kyrzhinakova) E. V. *Sravnitel'nye konstruktsii khakasskogo yazyka* [Comparative constructions in Khakas]. Abakan, Khakas. kn. Izd., 2017, 326 p.

Tybykova L. N. *Sravnitel'nye konstruktsii altayskogo yazyka* [Comparative constructions of the Altai language]. Abstract of Cand. philol. sci. diss. Alma-Ata, 1989, 17 p.

Ultan R. Some Features of Basic Comparative Constructions. *Working Papers on Language Universals (Stanford)*. 1972, vol. 9, pp. 117–162.

Vasil'ev Yu. I. *Sposoby vyrazheniya sravneniya v yakutskom yazyke* [Means of expressing comparison in the Yakut language]. Novosibirsk, Nauka, 1986, 111 p.

Информация об авторах

Сауле Жаксылыкбаевна Тажипбаева, доктор филологических наук, профессор Евразийского национального университета им. Л. Н. Гумилева (Астана, Казахстан)

Scopus Author ID 56584418800

WoS Researcher ID DXO-9343-2022

Ирина Анатольевна Невская, доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник сектора языков народов Сибири Института филологии СО РАН (Новосибирск, Россия)

Анна Владимировна Дыбо, член-корреспондент РАН, профессор, зав. отделом алтайских языков Института языкознания РАН (Москва, Россия)

Scopus Author ID 53363351600

Information about the authors

Saule Zh. Tazhibayeva, Doctor of Philology, Professor of L. N. Gumilyov Eurasian National University (Astana, Kazakhstan)

Scopus Author ID 56584418800

WoS Researcher ID DXO-9343-2022

Irina A. Nevskaya, Doctor of Philology, Professor, Principal Researcher, Department of Languages of the Peoples of Siberia, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation)

Anna V. Dybo, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Altaic Languages, Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation)

Scopus Author ID 53363351600

Статья поступила в редакцию 10.06.2024;

одобрена после рецензирования 08.07.2024; принята к публикации 08.07.2024

The article was submitted on 10.06.2024;

approved after reviewing on 08.07.2024; accepted for publication on 08.07.2024